

ХАНТЕР С.
ТОМПСОН

ХАНТЕР С. **ТОМПСОН**

ПОКОЛЕНИЕ СВИНЕЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-311.2(73)
ББК 84(7Coe)-44
Т56

Серия «Чак Паланик и его бойцовский клуб»

Hunter S. Thompson
GENERATION OF SWINE

Перевод с английского *В. Скобина*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *В. Половцева*

Печатается с разрешения The Gonzo Trust
и литературного агентства The Wylie Agency (UK) Ltd.

Книга содержит нецензурную брань

Томпсон, Хантер С.

Т56 Поколение свиней : [сборник] / Хантер С. Томпсон ;
[пер. с англ. В. Скобина]. — Москва : Издательство АСТ,
2018. — 544 с. — (Чак Паланик и его бойцовский клуб).

ISBN 978-5-17-111257-8

В 1986—1988 гг. Хантер С. Томпсон, знаменитый автор «Страха и отвращения в Лас-Вегасе», вел еженедельную колонку в «San Francisco Examiner». Статьи, собранные под этой обложкой, — это летопись жизни Поколения свиней, чьи злые дела чувствуются во всем: от дела «Иран-контрас» до сообщения в СМИ об урагане «Глория»; от аппаратов для измерения артериального давления до Суперкубка; от чудовищ, которые управляют Денверским аэропортом, до разгула телепроповедников.

Несравненный «доктор Гонзо» проделал немалый путь в поисках разумной жизни, а вместо нее обнаружил лишь полное безумие.

УДК 821.111-311.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

© The Estate of Hunter S. Thompson, 1988
© Перевод. В. Скобин, 2017
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

*Марии Кан и Дэвиду Маккамберу,
двум остальным ножкам нашей трехножки*

Отворяй врата, погост, —
Вильям Йейтс — почетный гость!
Бесстиховно в твой приют
Лег Ирландии сосуд.

Время, коему претит
Смелых и невинных вид,
Краткий положив предел
Совершенству в мире тел,

Речь боготворя, простит
Тех лишь, в ком себя же длит;
Трус ли, гордый ли — у ног
Полагает им венок.

Время, коим был взращен
Редьярд Киплинг и прощен —
И Клоделю все простит,
Ибо слог боготворит*.

У.Х. Оден
Из «Памяти У.Б. Йейтса»

* Перевод А. Эппеля.

ВВЕДЕНИЕ

И дам ему звезду утреннюю.

Это тоже из «Откровения» Иоанна Богослова. Я украл оттуда много цитат, мыслей и просто изящных звездных вспышек слова, больше, чем из любого другого источника, — не потому, что я большой знаток Библии, и не по причине религиозности, а потому, что я люблю дикую мощь языка «Откровения» и чистоту безумия, которая правит им и создает его музыку.

Кроме того, я провожу много времени в дороге, беру напрокат пишущие машинки и мучаю факсы в чуждых мне отелях; я всегда слишком далеко от своей большой домашней библиотеки, слишком далеко, чтобы дотянуться до мудрости, той мудрости, которая, как я иногда внезапно осознаю — душной ночью в Майами или в холодный День благодарения в Миннеаполисе, — необходима мне как воздух, но я не могу ждать; четыре-пять часов — предел отпущенного мне времени. В эти моменты богатство домашней библиотеки недостижимо для меня.

Походная жизнь накладывает свои ограничения. Нельзя в три часа ночи позвонить администратору отеля «Марк Хопкинс», или «Лас-Вегас Хилтон», или «Аризона Балтимор» и попросить собрание со-

чинений Сэма Кольриджа или Стивена Крейна... Хотя в некоторых городах Мария ухитрялась добыть томик Г.Л. Менкена или Марка Твена, и каждый раз через некоторое время Давид Маккамбер, как фокусник белого кролика, доставал что-нибудь вроде «Круглого миллиончика» Натанаэла Уэста из своей шляпы, а может быть — из своей причудливой книжной коллекции в офисе «*Examiner*»...

Но такое удастся нечасто. В дороге даже днем, а особенно после полуночи, почти невозможно быстро найти, скажем, сто первую страницу «Снежной слепоты»*, или заключительный вердикт Марлоу по делу лорда Джима**, или слова Ричарда Никсона, сказанные Генри Киссинджеру той сумасшедшей июльской ночью 1974 года, когда они стояли на коленях перед портретом Эйба Линкольна в Белом доме.

Это займет слишком много времени. Кроме того, если в последние три дня вы заказывали в номер «Чивас» бутылку за бутылкой, служащие отеля нервничают, когда вы вдруг требуете что-то такое, о чем они в жизни не слышали. В такие моменты я начинаю слоняться по комнате и рыться в ящиках тумбочек и шкафов, в шатких письменных столах, на которых лежат зеленые записные книжки, предназначенные для путешествующих торговцев, — я ищу Гидеоновскую Библию, я знаю, она где-то здесь, и, если мне повезет, это окажется Библия короля Якова с полным текстом «Откровения» в конце.

Если Бог есть, я хочу сказать Ему спасибо за этих «Гидеонов», кем бы они ни были. Я имел дело

* Книга Роберта Саббага, посвященная наркоторговле.

** Главный герой одноименного романа Джозефа Конрада.

с другими вестниками Бога и нашел их совершенно бесполезными. «Гидеоны» не такие. Они спасали меня каждый раз, когда я слышал недовольное ворчание и обещание вызвать охрану по мою душу, если я не выключу свет и не буду спать как все нормальные люди...

Половину своей жизни я потратил на попытки уйти из журналистики, но все еще барахтаюсь в этом низком ремесле, затягивающем хуже героина, странном, больном мире неудачников и пьяниц. Выберите любой день, сделайте групповое фото десяти лучших журналистов Америки — и вы получите памятник человеческому уродству. Журналистика не то ремесло, которое притягивает людей с лоском; здесь нет типов в костюмах от Кевина Кляйна, нет ни одного представителя сливок общества. Мы, скорее, увидим пламенеющий закат солнца на востоке, чем фото человека нашей профессии — на обложке журнала «Пипл».

Пытаться выразить себя на бумаге — гиблое дело, по крайней мере не пытайся сделать это в один присест. Но если ты — журналист, на всем, что ты написал, стоит твое имя, черным по белому, а журналистика — твоя работа, хорошая она или плохая. Купил билет — отправляйся в дорогу. Раньше эти слова были для меня забавной присказкой, но потом, к своему ужасу, я осознал, насколько они верны. Неприятная аксиома, которая может преследовать тебя всю жизнь. Как сказал Джо Луис накануне боя с Билли Коном: «Он может бегать, но не может спрятаться».

Когда занимаешься журналистикой или политикой — или, как я, и тем и другим одновременно

но, — надо помнить еще об одной вещи, уклониться от которой невозможно. Критики будут тебя кусать, когда ты будешь прав и когда ты ошибешься; это больно в любом случае — но перенести боль все же легче, когда ты прав.

Впрочем, бывают эпохи — одна из них досталась нам — когда даже правда чувствует свою ложность. Что можно сказать о поколении, которое учится тому, что *дождь — яд, а секс — смерть*? Когда любовь оборачивается гибелью, а прохладный летний ливень на ваших глазах превращает кристально голубое озеро в черную ядовитую лужу, что остается в вашей жизни кроме телевизора и непрерывной мастурбации?

Это странный мир. Кто-то богатеет, кто-то жрет дерьмо и умирает. Толстяк почувствует, как разрывается его сердце, и назовет это прекрасным. Кто знает? Если и вправду есть Рай и Ад, мы можем с уверенностью утверждать, что Ад — это такой сильно перенаселенный Феникс: чистое, хорошо освещенное место, залитое солнцем, полное сновтворных, и банальностей, и быстрых машин; где все кажутся почти счастливыми, кроме тех, кто осознал, что в его сердце что-то не так... кто медленно и ровно движется к окончательному безумию, которое приходит вместе с мыслью, что здесь нет как раз того единственного, что нужно по-настоящему. Утешительно. Не доставлено. No tengo. Vaya con Dios*.

Повзрослей! Довольствуйся малым! Бери то, что есть...

Гораздо сложнее представить себе Рай — есть вещи, которые даже умник описать не берется... Но

* Не имеется. Идите с Богом (*исп.*).

я могу догадаться. Или навести справки. Или, может быть, просто взвесить шансы, как игрок, или как дурак, или как ходячий атавизм — маньяк рок-н-ролла, и поставить восемь к одному на то, что Рай — это такое место, где у самых ворот отдают свиней и, как пойманных вражеских шпионов, покрытых синяками, рубцами и ранами, отправят подальше от Рая. Вниз по черному желобу, туда, где каждые 10–16 минут тебя захлестывает отражение, как волны кипящего асфальта и ядовитой пены, которые сменяются толпами адвокатов и продажных полицейских, размахивающих сводом законов; а сам Рай — это место, где никто не смеется, где все лгут, где дни похожи надохлых животных, которых волокут в могильник, а шлюхи и торчки по ночам скребутся в твои окна; это место, где налоговые инспекторы складывают кипы судебных повесток у твоей двери; где вопли обреченных вырываются из воздушной шахты вместе с белыми тараканами и красными червями, наполненными СПИДом; где гремят взрывы гнилостного газа, где никогда не восходит солнце и утренние улицы полны проповедников-попрошак, что заискивают перед бандами жирных молодых парней, которые следуют за проповедниками...

Кажется, мы говорили о Рае... или пытались о нем поговорить... но каким-то образом вернулись в Ад.

Может быть, Рая нет. Может быть, мои рассуждения — просто бессвязная болтовня, плод большого воображения ленивого, пьяного дикаря, чье сердце переполнено ненавистью, дикаря, который нашел способ жить там, где дуют настоящие ветра, — поздно ложиться, развлекаться, быть силь-

ным, пить виски и мчаться по пустым улицам, пока в душе не останутся всего две вещи: предчувствие любви и дорога...

Res ipsa loquitur*.

Давай хорошенько оттянемся!

ХСТ

Райская Долина

* Дело говорит само за себя (*лат.*).

СУББОТНЯЯ НОЧЬ В ГОРОДЕ

Я высадил Марию перед тату-салонем незадолго до полуночи. Места для парковки на улице не было, поэтому я отправил ее в салон, а сам припарковался на боковой дорожке, перед домом с темными окнами.

Почему бы и нет. Прикинем. Черная машина, темная боковая дорожка, на улице никого, кроме психованных китайских подростков... а нам необходим сюжет. Слишком долгая и чумовая неделя не располагала к мудрым, спокойным размышлениям. Примерно 166 часов подряд я читал лекции о морали, нравах и политике — в дополнение к наркотикам и насилию. Я слишком долго не спал.

Когда мы нашли адрес Художественного тату-салона в «Желтых страницах», до его закрытия оставался всего час. Самое время начать поиски сюжета.

Нам повезло, салон находился в нескольких кварталах от отеля, на углу Третьей и Гири, в пустынном подъезде, рядом с «Профилактикой суицида Инк.». Фасад здания был целиком покрыт толстыми стальными рифлеными щитами, как в Бейруте.

Клиника для самоубийц была закрыта, так что Мария позвонила в тату-салон и через минуту исчезла внутри.